

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Ещё через два дня состоялась свадьба Чанфена. Гости было не так много. Однако дело было не в том, что неявившиеся таким образом проявили неуважение к семье Шен. У всего были свои причины.

В последнее время господин Гунсунь, казалось, начал лысеть ещё больше, а Гу Тинье постоянно ходил понурым. Минлань предположила, что при дворе, должно быть, разгорались какие-то неприятности. Опасаясь, что у Гу Тинье вскоре не останется свободного времени, она спросила у него заранее:

— Господин, а ты пойдёшь на свадьбу к моему третьему брату?

— Они наступили на большую мозоль и дела наконец-то сдвинулись с мёртвой точки, — пробормотал себе под нос Гу Тинье, держа в руках стопки документов.

— Господин, если у тебя не будет на это времени, я просто скажу об этом родителям.

— Эти проблемы надолго, их не выйдет решить в кратчайшие сроки...

— Не страшно. Мои родители разумные и понимающие люди.

На самом деле, если Гу Тинье не явится, Ван Ши будет очень рада этому. Да и Шен Хун вполне был способен войти в его положение.

— Да уж, разобраться со всем быстро будет непросто...

Поняв, что они говорят каждый о своём, Минлань подошла к Гу Тинье и потрясла его за руку. Гу Тинье поднял голову и озадаченно посмотрел на неё. Минлань не оставалось ничего иного, кроме как повторить свои слова.

— Я, конечно, работаю при дворе, но я же не в рабство им продался, — усмехнулся Гу Тинье. — Ничего страшного, если я загляну пообедать в семью моей жены.

Минлань была тронута этим, но всё равно ответила дразнящим тоном:

— По-моему, ты не просто в рабстве, по-моему, тебя приворожили, и твои сердце и душа

отданы им без остатка. Когда ты спишь, ты постоянно храпишь и скрипишь зубами.

— Я что, мешаю тебе спать? Отныне я могу спать в кабинете, — замешкавшись на секунду, взволнованно ответил Гу Тинье.

Придержав рукой живот, Минлань уселась к нему на колени.

— Всё в порядке, — ответила она. — Ты храпишь негромко. И, стоит мне толкнуть тебя, ты затихаешь примерно на полночи. Ну а если я тебя пну... целая ночь тишины мне обеспечена. Не уходи в кабинет, — добавила она, обняв его за шею. — Пока ты рядом, мне ничего не страшно.

Недавно она поела заварного крема, поэтому её дыхание было немного сладким, а её очаровательный и слегка детский голос радовал слух Гу Тинье и он чувствовал, как его сердце наполняется нежностью. Однако, взяв себя в руки, он похлопал её пониже поясницы и ответил с суровым видом:

— Не пытайся провести меня своими сладкими речами. Я прекрасно знаю, что ты и так ничего не боишься.

Он прекрасно помнил, как эта маленькая злодейка сбрасывала с себя его руку во сне из-за того, что ей было жарко.

Похлопав ресницами, Минлань положила руку себе на грудь и состроила максимально невинное лицо.

— Уже темнеет. Это же страшно, разве ты не понимаешь? Что, если демон придёт и съест меня?

Благодаря своему богатому опыту Гу Тинье понимал, что Минлань притворялась, однако он всё равно был очарован ею. До тех пор, пока она не ушла, он продолжал сидеть в прострации, оставившись в слегка помятые документы и не понимая в них ни строчки. Он с детства дружил со множеством распутных юных господ, и благодаря им обзавёлся приличным опытом в этой области. К тому же, когда он служил в армии, он наслушался множество грязных шуточек, что было неудивительно, учитывая, что в военном лагере присутствовали практически одни лишь мужчины. Поэтому, когда ему в голову пришла кое-какая идея, он принялся считать на пальцах. Прошло несколько месяцев, подумал он. Пожалуй, всё должно быть в порядке.

Минлань лежала в кровати, обнимая подушку, и уже практически засыпала. Неожиданно она почувствовала движение позади себя на кровати. От прикосновения мягкого нижнего белья и колючих, слегка влажных волос со знакомым запахом, она поняла, кто это был.

— Ты сегодня ложишься так рано, почему? — полусонным голосом произнесла она.

— Я отгоню от тебя всех демонов...

Из комнаты донёлся странный стон. Даньдзю, дежурившую у двери снаружи, передёрнуло, когда она поняла, что происходило внутри. Мгновенно покраснев, она чувствовала одновременно стыд и возмущение.

«Это... Разве всё точно будет в порядке?..» — подумала она, взглянув на Сяотао, стоящую напротив. Та с совершенно невозмутимым видом любовалась луной, подперев голову руками.

— Сестрица, как думаешь, какие закуски служанка Гэ подготовит для нас сегодня ночью? Я бы хотела поесть лунных пряников...

Даньдзю уставилась на неё, широко раскрыв глаза, не в силах вымолвить ни слова.

«Ладно», — подумала она. — «Мне просто нужно отчитаться об этом старшей служанке Цхуй».

Следующим утром, проснувшись лицом к лицу, они оба засмутились, словно бы они были любовниками, втайне выбравшимися на сеновал. Минлань была очень смущена, но при этом довольна, как физически, так и морально. Гу Тинье тоже выглядел удовлетворённым. Обняв жену, он даже счёл её выросший живот весьма очаровательным. Пообнимавшись друг с другом ещё некоторое время, они оба преисполнились чувством тепла и радости. Одевшись, Гу Тинье поцеловал Минлань в щёку и, воодушевлённый, покинул комнату. Уныние, не покидавшее его все эти дни, бесследно исчезло.

Мальчики-слуги, сопровождавшие его, все до единого были чрезвычайно удивлены этим. Облегчённо выдохнув, они взмолились о том, чтобы он почаще приходил к ним в столь приподнятом настроении.

Служанка Цхуй к тому моменту уже давно была поставлена в известность о случившемся. Поспешно вбежав в комнату, она принялась помогать Минлань умыться, испытывая при этом смешанные чувства. Насколько ей было известно, заниматься сексом во время беременности было можно, но нежелательно, поскольку это ставило под угрозу безопасность ребёнка. Так или иначе, подобное являлось большой редкостью, поскольку пока жена была беременна, муж обычно ночевал у наложниц. У Гу Тинье и Минлань не было секса уже почти полгода. Он был мужчиной в расцвете сил, и ему в любом случае нужно было выпускать пар, и потому служанка Цхуй сейчас пребывала в полнейшем замешательстве. Она даже не стала пытаться как-либо отчитывать Минлань, поскольку понимала, что против неё шансов в словесной перепалке у неё не было.

Вместо этого сразу после завтрака служанка Цхуй вызвала для Минлань императорского лекаря. Минлань уже давно не жаловалась на здоровье и её беременность протекала весьма хорошо, к тому же, она неукоснительно следовала предписаниям по части еды, одежды и упражнений. В целом, она была из той категории беременных женщин, которых лекари обычно обожали. Осмотрев её, императорский лекарь объявил, что с ней и с ребёнком всё было в полном порядке.

Служанка Цхуй, краснея, пересказала лекарю, что произошло прошлой ночью, изо всех сил стараясь подбирать слова поделикатнее. Благодаря своему немалому опыту, доктор быстро сумел скрыть удивление, и уверенно ответил, что это не сыграло никакой роли. Ещё раз взглянув на обеспокоенное лицо старшей служанки Цхуй, он решил отбросить приличия и подробно описал ей последствия и меры предосторожности при сексе во время беременности. Лишь после этого та почувствовала облегчение.

Свадьба Чанфена приближалась, однако ни Шао Ши, ни Минлань, ни Чжу Ши не смогли присутствовать на ней. Одна была вдовой, другая была беременна, а третья лишь недавно родила. Это не слишком-то хорошо сказывалось на репутации семьи Гу, поэтому пожилая госпожа Цинь решила сама съездить на свадьбу. Гу Тинвей, обожавший гулянки, с радостью вызвался сопровождать её.

Поскольку Минлань не могла поехать, она попросила их передать подарки и заодно отправила с ними Сяотао, чтобы та пообщалась с родственниками. Сяотао была доброй и отзывчивой и, увидев, что слуги не справляются с подготовкой к свадьбе, она сразу же предложила им свою помощь. В результате она вернулась в поместье Чен со множеством слухов и тремя сумками, полными закусок, которые она раздала слугам, и отправилась пересказывать слухи скучающей Минлань.

Свадьба выдалась весьма оживлённой, и в итоге на неё всё же приехало множество гостей. Часть из них были друзьями семьи Шен, тогда как другие были приглашены семьёй Лю. К тому же, на свадьбе присутствовали все зятя семьи Шен, что, определённо, показывало их в хорошем свете.

Когда Ван Ши зачитывала речь на банкете, все явственно услышали в её словах зависть и грусть, поскольку ей определённо не хватало навыков красноречия, чтобы скрыть это. Однако пожилая госпожа Шен искренне радовалась за внука и от всего сердца благословила его, пожелав мира в семье и множество детей.

Молань на протяжении всего празднества вела себя максимально возвышенно и всем давала понять, что виновник торжества приходился ей родным братом, а законная дочь господина Лю отныне считалась её сестрицей. Она разговаривала с гостями слегка заносчивым тоном, что весьма раздражало Ван Ши. Ей очень хотелось отчитать Молань, однако она не могла сделать этого в присутствии гостей, но вскоре ей пришла на помощь Хуалань, сразившая ту одним чётким ударом.

— Хм, а где две другие дочери вашей семьи? Их мужья присутствуют, но где же они сами? — любопытствовала одна из гостей.

— Моя пятая сестра родила меньше месяца назад, — элегантно улыбнувшись, ответила Хуалань. — А моя шестая сестра беременна, и сейчас ей тяжело ходить, — сказав это, она обернулась к Молань и обратилась к той притворно-заботливым тоном. — Четвёртая сестрица, тебе стоит поговорить об этом со своим мужем. Не позволяй ему заниматься исключительно служебными обязанностями, тебе стоило первой завести ребёнка.

Побледнев, Молань в гневе стиснула зубы, однако всё же промолчала и весь остаток вечера вела себя тихо.

Руководствуясь принципом «рыбак рыбака видит издалека», пожилая госпожа Цинь и тётушка Кан увлечённо общались друг с другом и, казалось, словно они не только что встретились, а уже давно были хорошими друзьями. Минлань подозревала, что они, должно быть, сошлись, услышав нелестные отзывы о ней.

Что касается мужской части праздника, проходившей снаружи, Гу Тинвей первым делом познакомился с Лян Ханем. Чем больше они общались, тем более похожего они находили друг в друге. В итоге они, держась за руки, отправились в конюшни, осмотреть лошадей, и заранее обговорили планы на будущие встречи. Хань Чен также сумел исполнить своё желание и познакомился со множеством талантливых молодых господ. Распив с ними две бутылки вина, он предложил им устроить состязание в поэзии через пару дней после свадьбы. В целом, все получили то, чего желали. Банкет можно было бы назвать воистину гармоничным, если бы не сам Чанфен.

После свадебной церемонии он с невестой отправились в спальню, где он наконец-то поднял красную вуаль, скрывавшую лицо той. После этого ему всё равно ещё раз нужно было выйти к гостям. Сяотао, конечно, не удалось протиснуться в спальню к молодожёнам, но она прекрасно видела, насколько подавленным был Чанфен, когда вышел из комнаты. Она даже утверждала, что никогда в жизни не видела его столь удручённым — даже в тот день, когда наложницу Линь вышвырнули из поместья Шен.

На этом моменте Минлань не сдержалась и позволила себе злобно рассмеяться. Казалось, даже работа с учётными книгами после этих новостей пошла легче. Слуги, присутствующие в комнате, бросали на неё странные взгляды, не осознавая, что Минлань прекрасно это замечает.

— Так, значит, вы утверждаете, что все чрезмерные траты в нашей семье происходили по вине четвёртой и пятой ветвей, верно? — поинтересовалась Минлань, обращаясь к старшим слугам.

— Ах, госпожа, мне не подобает заявлять подобное, — широко улыбаясь, ответила домоправительница Пен Шоу. — Может получится так, будто мы осуждаем двух старших господ нашей семьи. Однако... Пожилой господин Гу был добрейшим и самым рассудительным человеком в мире, с этим нам не поспорить.